

ПОЛЕМИКА

П.С. Гуревич

ЛГАТЬ ИЛИ НЕ ЛГАТЬ — ВОТ В ЧЕМ ВОПРОС

Аннотация. Автор рецензии обращается к анализу философской деятельности известного отечественного философа Рубена Грантовича Апресяна, используя собственные комментарии к книге «О праве лгать» (сост., ред. Р.Г. Апресян. М., 2011. 392 с.). Давая этому труду высокую оценку как значительному событию в кантоведении и в теории морали, автор одновременно полемизирует с некоторыми выводами самого издания и стремится в известной степени расширить рамки обсуждения проблемы, которая является ключевой в данном труде.

Ключевые слова: Кант, правда, ложь, обман, этика, человеколюбие, мораль, обязанность, моральные абсолюты, выбор.

Поспорим, перечтем, посудим...
(А.С. Пушкин)

О Рубене Грантовиче

Возможно, это субъективное мнение, но я полагаю, что труд под редакцией Р.Г. Апресяна можно считать лучшей книгой Института философии за последние годы. Она явилась результатом многочисленных дискуссий и обсуждений, в которые оказались вовлеченными «профессионалы высокого ранга» (дружеский привет Д.И. Дубровскому, которому и принадлежат эти слова)¹. В самом издании значительная масса полемических высказываний, задающих подчас продуктивную раскочку мысли. В ней много оригинальных мыслей, неожиданных суждений, всевозможных размежеваний. Выявлен широкий спектр полемических ходов и радикальных несогласий. Несомненно, книга стала значительным событием в области кантоведения. Многие участники дискуссии обнаружили глубокое погружение в тексты Канта, и продемонстрировали высокий уровень профессионализма (Р.Г. Апресян, В.В. Васильев, А.Г. Гаджикурбанов, А.А. Гусейнов, Б.Г. Капустин, А.Г. Мясников, Т.И. Ой-

зерман, А.Н. Поддьяков, А.В. Прокофьев, И.А. Протопопов, Э.Ю. Соловьев, Н.М. Сидорова, А.П. Скрипник, А.К. Судаков).

Кроме того, в книге развернута своеобразная программа дальнейшего развития этической мысли. Рубена Грантовича не удовлетворяет абсолютистский императивизм (принципализм, деонтологизм), который, как он полагает, присущ современной этической мысли, своим крайним и деструктивным для самой морали ригоризмом — сведением содержания морали к неким «высшим принципам, а ответственности человека — к ответственности перед принципами»².

Кредо Р.Г. Апресяна: «Философское понимание морали не ограничивается раскрытием природы и смысла должноствования, оно предполагает и анализ того, как мораль действует, как она функционирует, как она обнаруживается в смежном пространстве столкновения и взаимопроникновения сущего и должного, добра и зла, правильного и неправильного»³.

У меня есть необоримое желание поспорить с рядом положений Рубена Грантовича по вопросам, в которых он, безусловно, является известным специалистом. Но прежде всего, возникает, видимо, вопрос о моих правомочиях. Тот, кто осмеливается на публичное суждение,

¹ См.: О праве лгать / сост., ред. Р.Г. Апресян. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 392 с. С. 290.

² См.: Наст. изд. С. 210.

³ См.: Наст. изд. С. 204.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 12-03-00574а на разработку темы «Духовность как проблемы современной культуры».

понятное дело, должен быть готов к перекрестному опросу и поношению. (Эти слова взяты мною из лексического арсенала книги).

Но каковы резоны, приведшие к этой рецензии? Во-первых, я располагаю дарственным экземпляром книги «О праве лгать» со словами Р.Г. Апресяна на титульном листе, которые «удваивают значение подарка» (@ Шекспир В. Гамлет, слова Офелии): «Дорогому Павлу Семеновичу со всей теплотой и добрыми пожеланиями, без толики лжи». Во-вторых, коллеги отметили некую странность моего институтского существования: когда мне дарят книгу, я обязательно ее читаю и почему-то испытываю непонятное желание изложить свои впечатления в виде рецензии. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить всех, кто пополнил мою домашнюю библиотеку весьма значимыми для меня изданиями. Здесь я руководствуюсь давней шуткой Козьмы Пруткова: «Бросая в воду камни, смотри на круги ими образуемые, иначе такое бросание будет пустым занятием».

Есть и еще одно настоятельное побуждение к оценке книги. За последнее время я написал несколько очерков о тех философах, которые мне интересны — о Э.Ю. Соловьеве, А.А. Гусейнове, С.С. Хоружем, Ф.И. Гиренке⁴. Рубен Грантович Апресян мне тоже интересен. Мне хотелось давно воспеть этого специалиста.

И чтоб тебе услышать довелось

Хвалу, которой стоишь только ты. (@ Шекспир В. Сонеты)

Данную рецензию я рассматриваю как некое приближение к более обстоятельной оценке этической деятельности Р.Г. Апресяна.

Меня всегда поражает его особая логичность, которая в моем представлении не совпадает ни с одной из известных мне форм данной способности. Он сам так расставляет мысли (и требует этой процедуры от других), что я лично впадаю в состоянии изумленной зависти. Вот, к примеру, Рубен Грантович пишет, что предполагалось сразу отказаться от апологетически кантовского рассмотрения темы. Иначе, полагает он,

⁴ Гуревич П.С. «Позволь смиренно...». Послесловие к 75-летию юбилею выдающегося отечественного философа Э.Ю. Соловьева // *Философия и культура*. 2009. № 9; Гуревич П.С. Очерки об академике А.А. Гусейнове. Очерк первый. Достиг ли я в раздумьях совершенства? // *Философия и культура*. 2010. № 9; Очерк второй. Путеводительный маяк // *Философия и культура*. 2010. № 10; Очерк третий. Животворящие святые // *Философия и культура*. 2010. № 11; Гуревич П.С. Антропологические и эстетические идеи Федора Гиренки // *Филология: научные исследования*. 2012. № 1; Гуревич П.С. Философский дискурс о человеке. Проект синергичной антропологии в современном мире // *Филология: научные исследования*. 2012. № 2.

не было бы повода затевать это обсуждение. Неужели, думаю я, в рамках положительного отношения к Канту нет предмета для столкновения разных точек зрения? Верно ли, что для продуктивного обсуждения надо сразу поставить Канта под сомнение? Не ведет ли такой зачин к определенным утратам? И, разумеется, невольно пасую перед логикой Рубена Грантовича, тем более что он сразу квалифицирует те выступления участников обсуждения, которые выполняют эту миссию в духе Канта, как мало значимые для понимания ситуации, представленной кенигсбергским мыслителем.

При этом у меня нет возражений по поводу логики Р.Г. Апресяна, когда он весьма успешно реализует придуманный им провокативный ход. Итак, как сообщает Д.И. Дубровский (еще раз дружеский взмах руки в его сторону): «Наиболее систематично внутренние противоречия концепции Канта раскрыты Р.Г. Апресяном, который показывает необходимость рассмотрения поставленного Кантом вопроса в метаэтическом, ситуационном, коммуникативном и нормативном планах, соотнося результаты рассмотрения в каждом плане между собой»⁵.

Труды профессора Р.Г. Апресяна всегда обстоятельны. Рубен Грантович в ходе дискуссии высказал немало идей относительно дружбы как нравственного феномена.

К нему, мне кажется, можно отнести слова, которые я взял из его же еще не опубликованной статьи: он «прекрасен и сладкоистомен»⁶.

О Канте

Итак, в эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия» И. Кант утверждал, что лгать абсолютно недопустимо даже в ситуациях, когда благополучие может угрожать третьему лицу, даже из человеколюбия. Этот тезис, как и эссе Канта в целом, и стали поводом для острой дискуссии, в ходе которой обсуждение частной, на первый взгляд, проблемы — позволительности лжи в исключительных случаях — предоставило шанс проанализировать фундаментальные философские вопросы, касающиеся сущности правды и лжи в морали, природы «моральных абсолютов» и, шире, моральных требований, а также принципиальной возможности и допустимости исключений из универсальных требований.

Несмотря на широкий разброс мнений, выраженных в книге, иногда даже по частному поводу, есть

⁵ См.: Наст. изд. С. 291.

⁶ Апресян Р.Г. Слова любви: Eros, Philia, Agape // *Философия и культура*. 2012. № 8.

все основания рассматривать издание не как сборник статей, а как монографию, в которой обилие суждений и подходов все же получает относительно целостную философско-нравственную оснащенность. Уже в первой статье, которая принадлежит Р.Г. Апресяну, начинается спор с Кантом. Напомним: в покоях у домохозяйина прячется друг, которого преследует злоумышленник. Злодей спрашивает домохозяйина, не прячется ли у него этот человек. Вопрос, выносимый на обсуждение, состоит в том, позволительно ли хозяину дома дать злоумышленнику заведомо ложные показания о местонахождении своего друга, чтобы спасти ему жизнь. Ответ Канта, по мнению М.Ф. Быковой, звучит «даже дико»⁷: он настаивает на неукоснительном соблюдении заповеди «не лги!» и готов в этом эпизоде вроде бы поступиться жизнью друга.

Аргументация Канта, по мнению Р.Г. Апресяна, вызывает глубокие сомнения и наталкивает на ряд серьезных вопросов. Во-первых, размышляет он, с метафизически-нормативной точки зрения, важно понять, находится ли домохозяйин в каких-либо отношениях обязанности со злоумышленником и, стало быть, какова мера ответственности перед ним? Во-вторых, с ситуационно-этической точки зрения, не следует или в анализе правильного поведения в данной ситуации принимать во внимание и отношения хозяина с другом? В-третьих, с коммуникативно-этической точки зрения, не окажется ли правдивость перед злоумышленником предательством по отношению к тому, кому предоставлено убежище? В-четвертых, с нормативно-этической точки зрения, не является ли принцип «не вреди» не менее сильным, чем требование «не лги».

В итоге своих размышлений Р.Г. Апресян ставит под вопрос обоснованность кантовского настояния на абсолютности требования «Не лги!», но и по большому счету, возможность абсолютных моральных принципов вообще.

С грустью констатирую: вообще Канту в этой дискуссии сильно не повезло. Его буквально развенчали, разлампасили и в известной степени оболгали. Большая часть выступающих оценивала его как перезрелого руководителя кафедры, который уже не по праву занимает эту должность. Его критиковали с точки зрения обыденного повседневного видения мира, здравого смысла, логической неувязки, концепций, рожденных в последующие времена, неприемлемости для житейской практики. «В каком-то смысле мы сегодня все кантианцы, — заметил Ф.И. Гиренок, и далее обстоятельно объяснил, почему он не с Кантом

(дружеский поклон в сторону Федора Ивановича). Конечно, если в студенческой аудитории сказать: «Почему я не с Кантом?» (так называется статья Ф.И. Гиренка) в задних рядах возникнет легкий гул молодежного восхищенного одобрения. Сложнее, вероятно, объяснить, почему Кант не с нами.

Канту вчинили доктринерскую слепоту, инерцию усталого ума. Его аттестовали как виртуозного хитроумца. О нем говорили, что «он не видит», «не замечает», «не понимает». Его обозвали «идеалистом в самом плохом смысле этого слова» (Меня бы кто-нибудь так оскорбил!)⁸. Его обвинили в пособничестве к убийству. Канта изобразили как фанатика, полубезумного ревнителя правды, готового отдать на заклятие жену и детей, которых у него не было.

По Канту стреляли из всех видов оружия, в конце концов даже из рогатки: «звериный эгоизм кантовского морального субъекта». Оказалось, что кантовская формальная этика лицемерна. Когда Канта обозвали цинично правдивым лжецом, я понял, что без оргвыводов на этот раз не обойдется. Изложив разного рода безобразия, присущие Канту по определению, один из выступавших, удивился: и про этого человека говорят, будто он в своей моральной философии якобы возвысил личность.

Поразительно, но доброе слово о Канте звучало не очень часто. Выяснилось, что быть сторонником этого философа в известной степени нелепо. Для простоты размежевания Р.Г. Апресян несколько раз повторил словосочетание — «Кант и те, кто ему предан». Шутки ради скажу: разумеется, это еще не якобинство, но что-то зловещее в этом есть. Разве мы не все, каждый по-своему, преданы Канту? А ведь среди присутствовавших были и такие философы, которые считали за честь называть себя кантианцами, но в этот раз при развернутом наступлении на Канта они предпочли умолчание.

Я не собираюсь говорить о Канте как о философском идоле. Но позволю себе для начала поставить вопрос о том, что можно и чего нельзя ожидать от кенигсбергского затворника. Мне уже приходилось писать о весьма ценном открытии К.Г. Юнга, которое свидетельствует о том, что психологическая данность во многом определяет и когнитивный стиль, способ мышления любого человека, в том числе и философа. Швейцарский психолог с невероятной точностью определил человеческую типажность Платона, Аристотеля, Тертуллиана, Оригена, Августина, имея в

⁷ См.: Наст. изд. С. 358.

⁸ Вспоминается фраза из советского анекдота: «Он написал идеологически вредный труд и сел в самом плохом смысле этого слова».

своем распоряжении только философские тексты⁹. Это невероятно. Но почему бы нашей гуманитарной мысли не вооружить себя этим достойным открытием? Это снизило бы, пожалуй, излишний пафос в изобличении Канта.

Кант, по Юнгу, мыслительный интроверт. Он принадлежит к числу тех исследователей, которые выстраивают невероятные ансамбли мыслей, пытаются с предельной дотошностью добиться консонанса внутри собственного размышления, которое, естественно, нередко расходится с житейской реальностью. Именно эту особенность Канта как философа как логика и систематизатора мы и должны оценивать высоко. Иначе моральное учение Канта окажется элементарно непонятым. В названном эссе Кант не призывает ни к предательству, ни к убийству, ни к лицемерию, ни к подстрекательству, ни к подлости. Его размышления — это грандиозный мыслительный эксперимент, призванный проверить на прочность некоторые основоположения этики. Когда мысли смыкаются в логичный ряд, Кант радуется как ребенок и торопится публично известить общественность о своем открытии. Это, разумеется, не самообольщение. Доверяюсь в данном случае союзнице Т.А. Кузьминой: «А между тем именно «открытие» (сам Кант по праву оценивал его как «превосходное») двумерности человека (т.е. принадлежности его и к феноменальному и к умопостигаемому миру, его бытия как бы в двух различных режимах «причинности») дало ему возможность понять суть морали...»¹⁰

Кант и сам порой понимает, что нужный результат достигается не всегда. Но он осмеливается на новые попытки. «Напрягаясь вновь и вновь, — пишет по этому поводу М. Бубер, — он бьется над этим, ткет все новые ответы и распускает содеянное»¹¹. (За то, что Кант «распускает содеянное», некоторые участники обсуждения вчинили ему предумышленную хитрость). Разумеется, у Канта нетрудно найти разного рода несостыковки. Тем более что кенигсбергский философ охотно их демонстрирует. Но разумно ли оценивать эти разночтения как отступничество, лицемерие, сбой мысли? Стоит ли поэтому, сличая две цитаты Канта, торжественно сообщать собравшимся об обнаруженном несоответствии как неоспоримом свидетельстве несостоятельности Канта? И следует ли, например, оценивать Канта как реального подстрекателя и нравственно ущербного мыслителя. У меня лично, эти «плевоочки», которые кто-то называет

жемчужинами (@ В.В. Маяковский. Послушайте, если звезды зажигают...), вызывают невеселые размышления.

У мыслительного типа, по Юнгу, две опасности. Первая сопряжена с тем, что постоянная эксплуатация ведущей (в данном случае мыслительной) функции приводит к ее изношенности. Я не встречал в работах Э.Ю. Соловьева ссылок на Юнга, но он совершенно точно обозначил эту динамику: «инерция усталого ума». (Почтительный поклон в сторону Эриха Юрьевича). Поздний Кант, это известно, начал писать о тараканах. Но разве это достойный повод для дискредитации мыслителя?

Есть и вторая черта человека такой типажности — его эмоциональный мир недифференцирован, негибок. Он, попросту говоря, полярен ведущей мыслительной функции. Поэтому нет смысла упрекать Канта в эмоциональной неотзывчивости и на этом основании отказывать ему в интеллектуальной оснащенности. На эту особенность наследия Канта обратила внимание Т.А. Кузьмина (нежный взгляд в сторону Тамары Андреевны): «Кант решительно выводил чувства за пределы морали»¹² Это вовсе не про мыслительных типов сказано у поэта: «Где сердце жителей волнуемо страстями» (@ Лермонтов М.Ю. Ты знал ли дикий край...). И далее у Лермонтова именно про мыслительных: «И где являются порой умы и хладные и твердые как камень». Мощь Канта в его аналитическом уме.

Но еще решительнее обозначилась «безэмоциональность» Канта в рассуждениях К.А. Свасьяна: «Мораль Канта изумительна, как механизм регуляции правовых отношений, при которых нарушитель порядка столкнут с блюстителем порядка не в пространстве душевности, а в пространстве юридически санкционированных правил. Но она же страшна, как страшен киборг, способный вдруг на спонтанное изумление и благоговение: перед звездным небом над ним и нравственным законом (на жестком диске) в нем»¹³ (Восторженный возглас «браво» в сторону Карена Араевича).

Что же остается в таком случае тем, кто «привержен Канту»? На мой взгляд, многое. Нетрудно найти у Канта разрывы мыслей, известные противоречия, своеобразную бесчувственность. Однако Канта, как говорится, мы ценим не за это. Без его блистательных открытий вообще невозможно представить себе современную этику. «Утверждение Канта о том, что свобода и мораль ссылаются друг на друга, — отмечает

⁹ Юнг Карл Густав. Психологические типы. М., 1997.

¹⁰ См.: Наст. изд. С. 372.

¹¹ Бубер М. Два образа веры. М., 1999. С. 475.

¹² См.: Наст. изд. С. 370.

¹³ См.: Наст. изд. С. 388.

А.А. Гусейнов, — величайшее завоевание теоретической мысли. Мораль вырастает из глубин свободы и в то же время, именно благодаря морали, мы погружаемся в нее. Мораль своими принципами и нормами задает, очерчивает, ограждает пространство свободы. Она представляет собой край свободы, своего рода «вспаханное поле», переступив которое мы оказываемся за ее пределами, вновь деградируем в естественное состояние»¹⁴.

Кант и Шекли

У американского фантаста Роберта Шекли есть рассказ «Чудовища». Не знаю, каким образом недавно ушедший из жизни писатель узнал про дискуссии в секторе Р.Г. Агресьяна, но речь у него в этом рассказе идет о двух нравственных заповедях — «Не лги!» и «Не убий!» Обе заповеди проверяются на прочность в качестве основоположений морали.

Сюжет, вообще говоря, весьма прост. Земляне прилетели на некую планету, где живут разумные существа. Правда, они обладают одним глазом и мощным хвостом, позволяющим сходу убивать других обитателей данной планеты. В основном гибели подлежат избыточные самки. На восемь самок здесь рождается один самец. Это дает ему право через двадцать пять дней после свадьбы погубить жену и взять другую. Мощный удар хвоста и самка радостно отбрасывает копыта, которых у нее нет.

Увидев обитателей космического корабля, которые кажутся аборигенам чудовищами, они с опаской начинают думать: нравственны ли эти пришельцы? Земляне в свою очередь обескуражены рутинным убийством живых существ и предлагают не делать этого. Во время встречи один из местных обитателей убивает земную женщину. В перестрелке гибнут семнадцать самцов. Что же говорит по этому поводу местный вождь?

- Эти страшилища умышленно сказали неправду! Они обещали вести себя смирно, а потом убили семнадцать из нас. Это не просто безнравственно...

Такое для разумного существа, иронизирует Шекли, было сверх всякого ожидания.

- Умышленно сказали неправду! — выкрикнул Кордовир страшные слова, задыхаясь от омерзения.

Мужчины на планете редко говорили о том, что кто-то способен сказать неправду, это просто не укладывалось в голову.

Разумеется, это не академический текст, но читая книгу «О праве лгать», я постоянно вспоминал рассказ Шекли. Оказывается, лгать нельзя, а превратить убий-

ство в ритуальное занятие можно. Не исключено, что и мы, земляне, впадая в агрессивную моральность, не замечаем изъянов нашей нравственной жизни. И мне захотелось продолжить эту ироническую иллюстрацию.

Что бы мог сказать Кант, окажись он на этой планете, «нравственным» рептилиям. Вот он приблизился к ним и произнес:

- Разумные существа! Самка не может быть немножко беременной. Так и в морали — нельзя быть наполовину нравственным. Вот вы универсализируете (я понятно излагаю?) принцип «не лги!». И в то же время каждодневно убиваете. Разве это нравственно?

Вождь отвечает

- Не зря в нашем Запределье рассказывают про то, что вы, земные философы, оторвались от жизни. Нельзя убивать? Кто это придумал? Посмотрите вокруг. Кому нужны ваши принципы? Мы хотим, чтобы все были довольны, а те самки, которые познали, что такое любовь, безмерно счастливы. Они не хотят, чтобы кто-то покушался на наши обычаи. Они не позволят сеять безнравственность. Так почему же нельзя убивать?

- Нельзя, потому что нельзя! — нечаянно выкрикнул вдруг юный динозаврик из породы будущих любомудров. (Нежный взгляд, с едва заметной поволокой в сторону Т.А. Кузьминой, которая так назвала свою статью в книге).

Кант говорит:

- Поймите вы, разумные существа, что моральные нормы нельзя выводить из наличной социальной практики. Нелепо называть нравственным все, что случается в жизни. Моральные нормы диктуются не жизнью. Они приходят к нам извне...

- Откуда же? — недоуменно спросил вождь.

- Оттуда, — ответил Кант и ткнул пальцем в звездное небо над нами¹⁵.

Вождь привел хвост в боевую позицию и завершил дискуссию последним аргументом.

Можно ли считать людей, которые узаконили убийство, нравственными? Почему именно эти душегубы так убежденно и яростно говорят о неукоснительной этике? Отчего при этом они буквально задыхаются от всякой неправды? Все эти ассоциации возникали у меня при чтении книги «О праве лгать». Первая мысль, которую можно заимствовать у Канта по ассоциации с рассказом Р. Шекли, заключается в том, что мораль действительно крайне редко рождается из жизненной необходимости. Между тем некоторые участники дискуссии искренне полагали, что именно конкретный жизненный пример может служить путеводной нитью для оригинального нравственного суждения.

¹⁴ См.: Наст. изд. С. 123.

¹⁵ Шекли Р. Чудовища // Шекли Р. Собр. соч. М., 1993. С. 10.

Вторая ассоциация с рассказом Шекли — каждая культура, как и каждая эпоха, претендует на собственное толкование морали. Судить о кантовской концепции морали из другой эпохи, с другими установлениями и сценариями мысли следует осторожно. К примеру, Канта упрекают в том, что он в своих этических рассуждениях оставил без внимания проблему другого. У него нет этого понятия. Но тогда этот упрек следует адресовать многим философам, которые трудились до Канта. Его коперниканский переворот, как известно, состоит в том, что он отважно поставил разум в центр философской рефлексии вообще.

Что же касается диалога и полифоничности — то это, несомненно, уже второй коперниканский переворот в гуманитарной мысли. Казалось бы, Кант безоговорочно проигрывает Л. Фейербаху, поскольку упускает из виду самостоятельную область отношений между Ты и Я. (Об этом говорит Рубен Грантович и в известной мере с ним соглашается Салам Керимович). Однако послушаем мнение Мартина Бубера, признанного авторитета в философской парадигме диалога. Он считает, что Кант и Ницше в постижении морали пошли гораздо дальше Фейербаха, поскольку они придали антропологическому вопросу в морали беспрецедентную остроту и страстную заинтересованность¹⁶.

О двумерности человека

Пока мой друг Давид Израилевич Дубровский, как полузадушенный Лаокоон, пытается дать окончательное определение лжи, обмана и самообмана (а я, повернувшись в его сторону, дружески кручу указательным пальчиком возле виска), попробуем внести в обсуждение антропологическую тему. Тем более, что о человеческой природе говорили многие участники дискуссии. Однако пафос многих рассуждений сводился к тому, чтобы еще раз подчеркнуть значение биологической обусловленности антропологической темы¹⁷. Ф. Энгельс отметил, что мы всей своей плотью и кровью принадлежим природе.

Однако насколько это актуально и в какой мере исчерпывает антропологическую проблему сегодня? В наши дни философские антропологи обсуждают совсем другие вопросы. Действительно, как подчеркнула в ходе дискуссии Т.А. Кузьмина, наука, с присущими ей средствами, не может уловить именно то, что делает человека человеком¹⁸. (Что-то я часто поглядываю в сторону Т.А. Кузьминой. Но скажите,

только не притворяйтесь, вам ведь тоже нравится Тамара Андреевна?).

Мы следуем вдоль эволюционной цепочки Дарвина и вдруг обнаруживаем, что на ее заключительном этапе произошло нечто необъяснимое. Человек не просто возвысился над природным царством и стал особым родом сущего, но также «разом» (слово Сартра) обрел человеческое и сознательное, нравственное и трансцендентное, человеческое и свободное. Возможно, не обошлось без промысла Божьего. Сегодня ученые пишут о том, что человек появляется на свет с уже готовой приверженностью к нуминозному. Ему прирождены трансцендентное и моральное чувства.

Пушкин задается вопросом: «Кто меня жестокой властью из ничтожества воззвал?». Он что забыл, что он из рода Ганнибалов? Не может припомнить маменьку и папеньку? Нет же, он спрашивает о нас. Не мы создали этот мир. Вот и для Канта мораль — ответ на «небесный голос»¹⁹. Кант исходит из следующей очевидности: человек ощущает в себе нечто такое, что нельзя объяснить лишь с точки зрения природы и законов ее развития. «Для Канта проблема человека — пограничная проблема, т.е. проблема существа, которое принадлежит, разумеется, и царству природы, но не ему одному; существа, поселившегося на границе царства природы и иного царства»²⁰.

Вероятно, и на нашей планете далекие предки, когда-то сидели у костра и спорили о том, можно ли есть мясо человека. Житейски искушенные люди твердили: почему же нельзя: вкусно, питательно и не вполне дефицитно. А разве на Земле в арабских странах Средневековья не практиковалось убийство новорожденных девочек?. И цель была конкретной — уравновесить убыль мужчин в боях²¹. Человечество могло бы застрять на уровне рептилий, описанных Шекли, если бы не усилия подвижников морали, которые обладали трансцендентным чувством и обеспечили «прыжок в ноуменальный мир» (взволнованный взгляд в сторону Натальи Мартеновны Сидоровой, чьи слова взяты в кавычки)²². Но именно трансцендентные основы морали подверглись критике со стороны многих участников дискуссии.

Кант считал, что моральные нормы не утрачивают своей ценности, даже если им никто не следует. Тем хуже для тех, кто лжет, убивает, творит кумиров, пре-

¹⁶ Бубер М. Два образа веры. М., 1999. С. 237.

¹⁷ См.: Наст. изд. С. 309.

¹⁸ См.: Наст. изд. С. 371.

¹⁹ См.: Наст. изд. С. 367.

²⁰ Бубер М. Два образа веры. М., 1999. С. 243.

²¹ Померанц Григорий, Миркина Зинаида. Великие религии мира. М.-СПб, 2012. С. 90.

²² См.: Наст. изд. С. 188.

любодействует. Нам известно, что политика — грязное дело. Но было бы безумием считать, что цинизм в политике в силу его расхожести можно считать нравственным. Да, теория не обязана соответствовать этой несовершенной жизни. Безмерно симпатичный мне Борис Олегович Николаичев удивляется: что надо жизнь ломать в соответствии с логически выверенной теорией? Нет, не будем ломать жизнь. Останемся обычными земными существами. Но станет ли взыскательная мораль освящать наши греховные поступки?

Борис Олегович предлагает: давайте, наконец, определимся, о чем же идет речь у Канта? О принципах, которые возникают в идеальном мире или о реальном жизненном обиходе?²³ Если только об идеальном метафизическом пространстве, то не стоит упрекать простых смертных за то, что они не следуют норме. Несомненно, что речь у Канта идет об одной морали (обращенной к идеальному миру и к житейской повседневности), и об одном человеке, который невольно соприкасается с этими мирами.

Рано утром рядовой участник дискуссии, проглотив омлет и оперативно отдав дань природе, торопится на данное обсуждение. И здесь его интересует не отличие омлета от глазуньи и не ночная ваза, которую выносят из покоев Канта. Из феноменального мира он катапультируется в мир ноуменальный, умопостигаемый. Он взыскует правды, а не житейской прагматики. Конечно, Борис Олегович прав: люди живут реальной жизнью, со всем разнообразием конкретных ситуаций. Однако мораль, свободная от общих принципов, от универсальных основоположений, перестает выполнять свое предназначение. Она — и это очевидно — не может быть кристаллизацией только земного нравственного опыта. (Об этом собственно и рассказ Р. Шекли). Мораль предполагает также и вечное философское напряжение, позволяющее человеку выйти в пространство свободы и ощутить трансцендентное измерение мира. В такой постановке вопроса — неоспоримое достижение Канта.

Мораль не сводится к этическим абсолютам, но без них невозможна. Мне не вполне понятно, почему потребность в принципах, определяющих моральную практику, вызвала такую резкую критику. Говорят о том, что принципы вообще нередко обладают авторитарным свойством. Мы, мол, уже пострадали от них. Но ни наука, ни философия, и мораль не могут обойтись без принципов. Это же очевидно. Тот же М. Бубер, рассуждая уже не о человеке, а о морали, называет одну из частей своей работы «Образы добра и зла» — «Исконные принципы». Или мы действительно

хотим оставить этику без основоположений? Вообще постоянный призыв доверять только нравственному практическому опыту не выдерживает критики. Приступая к релятивизации исконных принципов, мы понимаем, что эта деконструкция возможна только после того, как сформировались абсолюты.

Меня раньше тоже томила мысль: почему этики так логично рассуждают о нравственности, но обнаруживают равнодушие к конкретным жизненным ситуациям. Я вполне разделяю энтузиазм участников обсуждения, готовых преодолеть излишнюю доктринальность, менторство, формализм в этической теории. Но мне сегодня кажется, что это невозможно без разработки фундаментальных основ морали. К тому же и то, и другое не исключают друг друга. Учтивый А.Г. Гаджигурбатов в ходе дискуссии все же пытался сблизить эти два подхода к насущным вопросам морали. Да, дискуссия обнаружила принципиальную некоммуникабельность двух типов морального дискурса. Он подчеркивает, что в данном случае, как и во многих других, *чисто* этических сюжетах, фундаментальное значение приобретают не моральные принципы, а проблема обоснования самой морали, вернее анализ ее собственных метафизических предпосылок²⁴.

Рубен Грантович как одаренный социолог

Рубен Грантович, надеюсь, не обидится на меня. А.А. Гусейнов усомнился в том, что Р.Г. Апресян остался в пределах этики, он перешел на позиции социологии морали²⁵. Рубен Грантович не принял это суждение. Он заявил, что сюжетное варьирование ситуации несколько не переводит обсуждение в «социологию морали». Р.Г. Апресян действительно не обращался к статистике или материалам общественного опроса. Но ведь никто и не называл Р.Г. Апресяна эмпирическим социологом. Рубен Грантович, по его словам, не анализировал нравы. Но это вообще скорее привилегия культурологии.

И все-таки я полагаю, что Р.Г. Апресян не только философ и теоретик морали. Он показал себя в этой книге и как одаренный социолог. Рубен Грантович обнаружил феноменальную способность к моделированию социальных процессов. Собственно, это и позволило развернуть дискуссию. Но есть еще одна причина, позволяющая считать, что основные рассуждения Р.Г. Апресяна выстроились именно в плоскости социологии. Ведь именно социология лишена трансцендентного чувства (@ Бердяев Н.А. Философия

²³ См.: Наст. изд. С. 343.

²⁴ См.: Наст. изд. С. 254.

²⁵ См.: Наст. изд. С. 117.

неравенства). Рубен Грантович показал себя острым и эффективным полемистом. Его доводы внушительны. Но он, как мне показалось, не откликнулся на размышления тех участников дискуссии, которые рассуждали о трансцендентных основах морали. Вероятно, это измерение морали кажется ему менее значимым, чем конкретное ситуационное изучение нравственных процессов.

Кант ведь тоже, комментируя недопустимость лжи из человеколюбия, выступает как социальный мыслитель. Он решает сложную проблему: как обеспечить стойкую социальную организацию. Его вызов предельно прост: хотите ли вы жить в обществе, где все врут? Уверены ли вы, что такое общество дееспособно? Э.Ю. Соловьев в своей книге «Категорический императив нравственности и права» показал, что Кант с беспощадным ригоризмом отвергал всякую ложь, в том числе и «ложь во спасение». В заметке «О мнимом праведности из человеколюбия» он решительно высказался даже против обмана преступника, преследующего свою жертву²⁶. Э.Ю. Соловьев, разумеется, не отождествляет требование «никогда не лгать» с требованием «всегда говорить правду». Однако он пишет: «Сколько бы обмана не допускалось в эмпирической истории, для любого разумного существа очевидно, что никакое сознательно учреждаемое общежитие не может покоиться на обмане. Но раз так, то ни одна из форм обмана недопустима для человека, в каком конкретном (пусть даже крайне лживом) обществе он ни жил²⁷».

Мне уже приходилось писать о том, что ложь действительно не может рассматриваться в качестве единственного социоустроительного фактора. Но таким качеством, как это ни парадоксально, не обладает и правда. Эту очевидную истину понимал, скажем, Ф. Ницше, который назвал одно из своих микрорассуждений — «Против тирании правды». Он выдвинул такое предположение: допустим, мы все глупы настолько, что все принимаем за истину. Тогда немецкий философ задается вопросом: зачем надобно желать единовластия и всемогущества правды? Она, эта правда, и так имеет большую власть. «Но бестрепетно в лицо, глядя всякой правде» (@ Твардовский А. Василий Теркин), мы осознаем, что построить правдивое общество невозможно. Чтобы правда имела силу, она должна иметь противников. Крайне необходимо временами спастись от правды в неправде²⁸.

²⁶ Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М., 2005. С. 79.

²⁷ Там же. С. 81.

²⁸ Ницше Ф. Утренняя заря. Мысли о моральных предрасудках. Свердловск, 1991. С. 19.

Но Кант, оказывается, не пропустил обсуждение этой темы: может ли правда быть разрушительной для общества? Он подверг разбору утверждение Констанана о том, что правило правдивости, взятое в отдельности и само по себе, делает невозможным существование общества. Правда как таковая, по мнению Канта, сохраняет социальные связи. Но выходит, бизнесмен в интересах общества обязан сообщить своему партнеру о том, что уже найден киллер, который должен с ним расправиться. Муж ради влечения к правде должен честно рассказать жене о своих амурных похождениях. Врачу надлежит без оглядки сообщить больному о том, что его ждет ближайший смертельный исход. Нет, Кант видит другой выход — люди должны актерствовать. В основе социальной игры лежит какая-нибудь мнимость. Это то место, где заканчивается правда и начинается правдивость, то есть ложь²⁹.

Итак, настаивая на безоговорочном отвержении лжи, Кант понимает, что в феноменальном мире она неизбежна и даже подчеркивает это. Стало быть, человек в реальной жизни бывает и лжецом и праведцем. Ф.И. Гиренок отмечает, что правда потеряла свою невинность. Мир правды действительно нельзя обжить. Приходится соблюдать социальные приличия и условности.

Пусть истину скрывает ложь,
Что ж делать? — Все мы человеки»

(@ Лермонтов М.Ю. «Ты знал ли дикий край...», в научном переводе Д.И. Дубровского — «Что тут говорить. Все те же гомо сапиенсы!»³⁰).

Что же из этого следует? Эрих Фромм в свое время написал книгу «Величие и ограниченность теории Фрейда»³¹. Величие Фрейда он усматривал в том, что австрийский ученый стоит в одном ряду с величайшими мыслителями человечества, которые упорно добивались истины и правды — Сократом, Буддой (заметьте, Фрейда сравнивают не с бароном Мюнхаузеном или с Труфальдино из Бергамо). Фромм уверен, что искание правды является глубинным антропологическим запросом человека, что истина спасает и лечит. Мысль о благотворности истины действительно оказывается общей для иудаизма и христианства, для Сократа и Спинозы, Гегеля и Маркса. Можно полагать, что поиск истины является глубокой, обостренной потребностью человека.

Но рассуждая антропологически, мы не можем не указать также и на тягу человека к иллюзии, неправде.

²⁹ См.: Наст. изд. С. 316.

³⁰ См.: Наст. изд. С. 307.

³¹ Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. М., 2000.

Люди так часто отступают от трезвой мысли, отдавая предпочтение миру мечты. Мы не можем однозначно ответить на вопрос, что же является глубинным устремлением человека — искание правды или тайное влечение к грезе. Стократно внушительна поэтическая мысль Пушкина: «Ах, обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад!»

Готовя к изданию перевод книги Э. Фромма, я написал вступительную статью, которая называлась «Величие и ограниченность самого Фромма». Человек не только стремится к истине, которая, как известно, дороже дружбы. Он в той же мере тянется к иллюзии. (Дружеское подмигивание Д.И. Дубровскому, который цитируя пушкинские строчки о «нас возвышающем обмане», приходит в состояние понятной радости). Но ведь это очевидно. Не будь искания правды, не было бы в человеческом обществе ни науки, ни философии. А не будь потребности в иллюзии, не было бы искусства. Но Пушкин вовсе не прославляет ложь. Он иронизирует по поводу неотторжимости иллюзии, которую нельзя избить³². Деятели искусства действительно зачастую интересуют искание иллюзии и мнимости. «Искусство — это царство иллюзии» (@:Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2006).

Но разве в мире царствует только ложь? Влечение к правде — могучая побудительная способность человека. Она находит свое выражение в аскезе праведной жизни, в религиозном рвении, в искании справедливости, в исповедальной страсти, в предсмертных упованиях, честном купеческом слове, рыцарском долге, ощущении собственного благородства (об этом в статьях О.П. Зубец и Н.М. Сидоровой) и даже в мучительном признании преступника, который хочет, наконец, снять бремя со своей истрадавшей души. «Правдив и свободен их вещей язык, и с волей небесною дружен» (ссылка дана без источника).

Но правде в книге «О праве лгать» не повезло. Она стояла нагая, пристыженная, переминаясь с ноги на ногу и завидуя блеску и шикарности лжи. Ее боялись, как в известной «Элегии» Массне: «Вдруг она, сняв покрывало, вся предстала предо мной». Это, конечно, шок, когда правда предстает в своей нагоде. С ложью проще: она мимикрирует, притворствуется. Кстати, книга могла бы называться «Оправдание лжи». Учитывая постоянную смысловую осторожность Эриха Юрьевича, скажем так — книга **граничит** с освящением лжи. Понятное дело, так полу-

чилось. Конечно, Р.Г. Апресян сказал, что он лично далек от того, чтобы оправдать ложь. Но стремление вопреки Канту оправдать обман приобрело в книге характер коллективной страсти.

К примеру, почитаемый мною Анатолий Петрович Скрипник в своей статье безоговорочно отказывает Канту в мудрости: «шаткость, метафизичность кантовских построений»³³. Однако, когда автор описывает обманную акцию Канта, его остроумное письмо королю, он неожиданно, может быть бессознательно, называет философа «великим мыслителем». В приверженности правде Кант слабават, но стоило ему поучаствовать в коллективном лжении и он оказался значительным (позволю себе лукавое подмигивание Фрейдю, который по понятным причинам не участвовал в обсуждении). Здесь, несомненно, действуют какие-то глубинные механизмы бессознательного. Это алкание лжи в современном обществе имеет, вероятно, свои корни.

В жизни ложь и правда меняются местами. Однако подумаем, чем вызвано такое едва ли не единодушное оправдание лжи? Хотим ли мы правды, внезапной и жесткой, как острое лезвие молнии, или жаждем, покая, конформизма, освобождения от трагизма жизни? Неужели мы так устали от избыточной правды, от ее нудительности, что нужно именно сегодня яростно возразить Канту относительно ее праведности. «Разве мы страдаем где бы то ни было в жизни от абстрактного догматического следования норме «Не лги!»? Разве не наоборот — разве не лживость пронизывает наши нравы и отравляет их?», — справедливо спрашивает А.А. Гусейнов³⁴.

Во все века были лжецы, обманщики и клятвопреступники. Люди всегда прибегали к спасительной лжи. Статья М.А. Корзо «О допустимости замалчивания правды (на материале дискуссий западной религиозной мысли до Канта)» вызвала у меня серьезное замешательство. Сама Маргарита Анатольевна не оценивает богомольных как лжецов. Но оказывается, даже набожные люди учили замалчивать правду, прибегать к притворству ради спасения своей веры. Неужели они не чувствовали себя «за божьей оградой» (@ Шекспир В. Гамлет). Тогда в чем же обет правды? Те же сомнения, как я понял, испытывает и известный кантовед А.Г. Мясников: «А может быть, прав Кант, и большинство людей пока живут давними предрассудками о необходимости лжи и просто боятся быть правдивыми?»³⁵ Может быть, теперь в судебной прак-

³² Гальцева Рената. Пушкин и философия. На подступах к теме // Рената Гальцева, Ирина Роднянская. К портретам русских мыслителей. М., 2012.

³³ Наст. изд. С. 196.

³⁴ Наст. изд. С. 119.

³⁵ Наст. изд. С. 159.

тике нужно клясться, положив руку на уголовный кодекс, а не на Библию.

Да, в реальной жизни нельзя обойтись ни правдой, ни ложью. В ней есть и притворство, и коварство, и обман, и радостное переживание правды, как бы она ни была солоня. В повседневной реальности нетрудно отыскать «все, что нам на земле причислено» (@ К. Симонов. Если Бог нас своим могуществом...).

Дальнейшее действие морали

И все же — не правомерно ли современной этической мысли обратить внимание на очевидное разрастание лжи в социальном пространстве? Давно забылось честное купеческое слово, отслужил свое протестантский этос, родилась и разрослась ненаказуемая лживая реклама, политика стала откровенно циничной, услужливым оказалась правосознание, окрепла база массовой культуры. Ложь переросла самое себя. И для многих социальных мыслителей кантовская мысль о том, что социальная организация не может строиться на лжи, стала очевидной. Общество, судя по всему, неумолимо приближается к распаду, которое может быть предотвращено сегодня только неумолимым авторитарным напряжением или мудростью Канта.

Либеральные философы и социологи написали десятки книг о том, что распадение сложившихся социальных уз является благом для общества. Культ безграничной свободы и индивидуализма служит неоспоримой меткой прогресса. Разрушается семья, отбрасываются цеховые и корпоративные ограничения, ослабевает гражданственность, никнет справедливость и сострадание, — всё это примечательные издержки социальной динамики. Социальные мыслители, описывающие общественное поступательное движение, на протяжении последних десятилетий постоянно подчеркивали роль индивидуальной свободы в летописи человечества.

Однако история социальных учений показывает, что социальный хаос до основания расшатывает социальную иерархию и ранжированность. Разумеется, он никогда не был абсолютным. Поэтому попытки многих авторов представить атомизацию общества как неизбежный результат прогресса вряд ли справедливы. Да, нет сомнений в том, что в развитых странах современного мира на фоне достаточно стабильного экономического и политического положения обнаруживаются катастрофические императивы социального хаоса — финансовый кризис, надвигающийся продовольственный голод, территориальные притязания.

В современной литературе все чаще укореняется образ нецелостного, разрозненного и децентрированного мира. Атомизацию нередко характеризуют как естественную реакцию людей на искривленный социум. По словам П. Бергера и Т. Лукмана, «мир сошел с ума», а человек обрел патопсихологические черты. Проблематика социального хаоса всегда актуальна для общества, которое переживает процесс преобразования. На значительном отрезке истории мысль Канта о ценности правды оказалась безошибочной. Если и дальше социум будет базироваться на лжи, общество как целостность перестанет существовать. Наиболее проницательные социальные мыслители сегодня начинают догадываться о том, что возможно общество исчерпало свой лимит на коллективную ложь и находится теперь в критической точке.

Многие участники обсуждения, осуждая непреложность заповеди Канта «Не лги!», приводят примеры, опираясь на феноменальную реальность. Они предлагают оценивать поступки не по меркам номенального мира, а по меркам сиюминутного нравственного опыта. При этом призывают к конкретному анализу социальных ситуаций. Умница О.В. Артемьева приводит пример из книги А. Макинтайра. Во время фашистской оккупации Голландии одна домохозяйка укрывала у себя дома ребёнка из соседской еврейской семьи с обещанием заботиться о нем. Спустя некоторое время сосед был схвачен и брошен в лагерь смерти. На вопрос посетившего ее нацистского чиновника о том, все ли дети, находящиеся в ее доме, являются ее собственными детьми, она солгала, ответив утвердительно³⁶.

Сколько же гневных слов обрушилось на Канта в связи с этим примером, который, как полагают, ставит крест на моральных императивах Канта... Каким же ущербным выглядит кенигсбергский отшельник, готовый ради принципа бросить на заклание бедного ребенка. Но ведь Кант пытается указать нам на дальнейшее действие моральных принципов, которые далеко не всегда получают подтверждение в феноменальном мире. Попробуем предположить, что во второй мировой войне победу одержал Гитлер. Слышу голоса: как вы смеете кощунствовать, Павел Семенович? Но, во-первых, это не кощунство, а весьма популярная сегодня в социальной философии работа с отдельными общественными сценариями. (Кстати, Р.Г. Апресян весьма успешен в этой практике). Как раз сегодня эксперты пишут о возрождении рейха в Германии. Но, во-вторых, данное допущение принадлежит не мне, а одному из властителей дум послевоенной Европы французскому социологу Жаку Эллюлю.

³⁶ См.: Наст. изд. С. 58.

Жак Эллюль далек от романтизации нацистского режима. Он видит историческую справедливость в том, что нацизм был побежден. Однако это не мешает ему представить мир в таком ракурсе, который позволил бы Гитлеру одержать победу. Мы тогда ничего не услышали бы о гитлеровских концентрационных лагерях, о массовых убийствах и об экспериментах над людьми. Сталина вполне могли бы признать политическим преступником. В случае победы Гитлера режим в Германии претерпел бы известные изменения. На первое место выдвинулась бы не классовая борьба, а борьба между расами. Нацистская доктрина была бы тогда углублена и развита, вклад в это сделали бы видные философы, такие, как Мартин Хайдеггер³⁷.

Если бы данный исторический сценарий оказался реализованным, я, по понятным причинам, не уцелел бы и мне пришлось бы оценивать поступок данной женщины с того света. Но в моем понимании он бы остался героическим. Однако ложь голландской женщины была бы разоблачена, и на голову бедной спасительницы пало бы возмездие и презрение. Кому же неизвестно, что сегодня, когда многие путают Гитлера со Штирлицем, данный пример не во всех аудиториях будет вызывать единодушие?

Неужели можно так беспардонно манипулировать фактами? Но это и есть та самая релятивизация заповедей, которой увлечены многие участники обсуждения. «Проверка Кантом, испытание Кантом хорошая школа для этической мысли. Однако критический комментарий по отношению к Канту имеет не просто школьный, профессионально-цеховой интерес. Он приобретает особую актуальность в контексте общей антинормативистской тенденции теоретической мысли и практики общественных нравов»³⁸.

В процессе обсуждения темы Н.М. Сидорова поставила вопрос о силе правды. Она даже привела иллюстрацию с лидером республиканцев в Италии Пьерро Содерини. Мне тоже хочется изложить пример, на который ссылается В.В. Биbihин в книге «Узнай человека»³⁹, и снабдить его своими комментариями. После смерти русского князя Владимира, его место незаконно занял «окаянный Святополк». Когда сын Владимира приблизился к Киеву, Борис узнал, что отец его умер, а престол занял Святополк, которого вроде бы нужно согнать. Это будет справедливо, этого хотят киевляне, он имеет на то все права, он легитимный наследник, любимый сын, исполнитель последнего важного поручения Владимира. Борис однако говорит, что не поднимет руки на брата.

Такой миролюбец явно не годится на место правителя в крутые времена. Борис узнает, что Святополк для надежности хочет все-таки убить его самого. Борису говорят: солги, присягни брату на верность, тогда избежишь смерти. Но Борис отказывается от лжи. Князя убили, Святополк задумал погубить и Глеба. Но Глеб, как перед этим Борис, тоже убедил дружину не поднимать гражданской войны, оставить его одного. Эти двое, Борис и Глеб, оказались слишком хороши, слишком чутки, слишком сердечны, чтобы взять власть путем убийства или лжи. Братья погибли.

Константинопольская патриархия, когда русский епископат представил ей для канонизации Бориса и Глеба, долго не соглашаясь признать их святыми примерно по тем же причинам, по каким их не одобрил бы любой человек феноменального мира. Борис и Глеб поступили неправильно. Они должны были, во-первых, переступить через свое отвращение к жестким методам ради страдающих под Святополком киевлян. Во-вторых, они должны были подумать о душе Святополка, своего сводного брата, и не попустить ему взять на себя страшный грех братоубийства. Константинопольские иерархи сомневались, можно ли назвать Бориса и Глеба великомучениками и мучениками за веру, когда они страдали ведь от единоверного Святополка, тоже крещенного христианина. Борис и Глеб не хотели жить в мире, где преступление возможно среди братьев. В этом смысле по крайней мере говорит о них церковь. Но главное такими они почитаются в христианском народе. Георгий Федотов в книге «Русское религиозное сознание»⁴⁰ (религиозное ли только? Сознание ли только?) говорит, что с почитанием Бориса и Глеба как святых в мировом христианстве появилось нечто новое: русский кенотизм, от кеносис — опустошение, обнищание, принятие на себя крайнего бессилия, добровольное привлечение смерти.

Но добровольным, поясняет В.В. Биbihин, был и кеносис Христа, принявшего свою казнь и не оставившего себе ничего, ничего при себе не удержавшего, как бы раздавшего себя полностью до оставления себе полной пустоты, той пустоты, которая как раз и могла одна впустить в себя подвиг полного отдания себя. Федотов еще замечает, что в мученичестве Бориса и Глеба нет героизма, вызова силам зла: они плачущие, по-человечески слабые, совсем беспомощные, они слезно жалуются на свою участь. Если мир такой, если люди могут быть такими страшными, то не надо жить, не надо и пытаться бороться с ними силой рук. Невыносимо видеть этот ад на земле. Души подкошены, срезаны близким злом.

³⁷ Эллюль Жак. Политическая иллюзия. М., 2003.

³⁸ Наст. изд. С. 112.

³⁹ Биbihин В.В. Узнай себя. СПб, 1998.

⁴⁰ Федотов Г. Святые Древней Руси. М., 1991.

Внешне после этого отступления окончательно упрощается деспотическая власть, диктатура, и наблюдатель констатирует все признаки несвободы, рабства. Но подвиг Бориса и Глеба многократно повторен. В.В. Библихин пишет: «Если бы не было молча, терпеливо отдающих жизнь, тысячелетнее государство не стояло бы, не могло бы обращаться к народу так, как оно всегда делает в трудные минуты: забудьте, откажитесь еще раз от себя, пожертвуйте всем вплоть до жизни тоже».

Итак, правда требует жертв. Но без правды не обойтись. И вот в наши дни Верховное лицо России осматривает выставку Глазунова. Он видит изображения Глеба и Бориса, идентифицирует их и говорит:

- Хорошие ребята, но слабые. Мы этим путем не пойдем....

Сталин обладал невероятной силой. Но когда страна оказалась в опасности, он обратился к народу и попросил жертвенности. Если бы не было нравственных уроков, чистоты помыслов и приверженности правде, каждый мог бы сказать: на войну, конечно, пойду, делать нечего, вот она повестка из военкомата. Но кто бы стал закрывать своим телом дзоты, идти на таран, бежать впереди цепочки под пулеметным огнем⁴¹.

А.А. Гусейнов доказательно отметил, что нельзя принимать этический абсолютизм Канта в том виде, в каком он выражен в учении о категорическом императиве и одновременно ставить под вопрос, что ложь во благо невозможна. Кант, как подметил А.А. Гусейнов, не моделирует, и не описывает реальную ситуацию. На самом деле нравственные абсолюты не знают исключений. Невозможно, к примеру, говорить о том, что не следует убивать или лгать, но иногда в силу исключительности эпизода можно отступить от правила.

Феноменальный мир посылает примеры, которые, казалось бы, должны опровергнуть заповедь «не убий!». В переулке злодей убивает женщину, и вы пришли ей на помощь и убили преступника. Может быть, вы остались верны заповеди, остановив цепь убийств? Или, наоборот, нарушили ее?

Умолчание как нравственный выбор

Кроме лжеца и правднца в ходе обсуждения появился еще один персонаж (тайнец, молчалник,

⁴¹ Пусть простит меня читатель за эту подробность. Мой отец командир гвардейского взвода Семён Моисеевич Гуревич прошел всю войну, был не раз ранен и погиб в октябре 1944 года в Латвии. Братская могила, в которой покоится прах моего отца, (я теперь вдвое старше его) недавно осквернена латышами. Кстати, Давид Израилевич, фамилия академик Моисеева не может писаться через «й» (как Мойсеев). Вождь еврейского народа обижается.

неизреченец). Обсуждается еще одна возможность нравственного поведения в сходной ситуации — умолчание. Индивид, вводит эту тему в дискуссию А.А. Гусейнов, может остаться на нравственной позиции, поскольку у него есть право промолчать или отвести вопрос, если прямой честный ответ на него может, с его точки зрения, поставить его в нравственно ложную ситуацию...

Рассматривая пример Канта, который излагает ситуацию выбора между ложью и правдивостью, Э.Ю. Соловьев предлагает возможность этического поведения человека в праве на молчание. Неукоснительное соблюдение правила «не лги», которое отстаивает Кант, действительно похоже на апологию предательства. Вот что пишет Э.Ю. Соловьев: «Злодея, преследующего свою жертву, позволительно, и даже следует обмануть, — так полагает Р.Г. Апресян, и, я уверен, еще многие-многие люди»⁴². Одновременно Э.Ю. Соловьев отвергает и возможность обмана зла, поскольку обман (как и убийство) подразумевает отношение к человеку как к нелюди. Права на такое отношение не может дать никакая особая обязанность⁴³.

По мнению Э.Ю. Соловьева, есть еще один вариант поведения в названной ситуации. В общении с кантовским злодеем нельзя быть обманщиком (лжецом), но и правдивым ответчиком («правдцем») тоже нельзя. Автор имеет в виду возможность умолчания, мужественного и бескомпромиссного отказа от ответа. Под умолчанием Э.Ю. Соловьев полагает не утаивание какой-либо «доли» или «аспекта» сообщаемой правды, а принципиальный отказ от разговора — общения по данному конкретному поводу. «Невысказывание» правды перестает, по словам Э.Ю. Соловьева, при этом быть дипломатичной недоговоренностью и делается цельным, открытым, а потому правдивым поступком. «Более того, своим откровенным уведомлением об умолчании я утверждаю, что коммуникация *должна быть* обоюдно правдивой, что только такую я признаю, и что мое поведение не имеет ничего общего ни с осмотровым уклонением от действия, ни с атмосферой фальшивого секретничания и перешептывания»⁴⁴.

Эрих Юрьевич, как всегда, интересен и идееносен. Концепция умолчания, невовлеченности в сомнительное в нравственном отношении событие весьма значима. Она позволяет правдцу не быть правдорубом. (Такая подмена слова проявилась в ходе обсуждения). Умолчание является стойкой защитой от

⁴² См.: Наст. изд. С. 25.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 26.

модных занятий — нарушение принципа «прайвеси», сохранения личного пространства, публичного обсуждения интимных, кровавых и порочных событий. Умолчание способно внести ясность в формулы социального общения. Вовсе не обязательно в праведном воодушевлении говорить каждому встречному «А вы, батенька, сволочь». (Эту тему развивает в книге Б.О. Николаичев).

Нет сомнения в том, что умолчание в конкретных ситуациях может служить убедительным примером нравственного поведения. В 1993 г. в нашей стране сложилось известное противостояние между президентом и парламентом. Алексей II пригрозил анафемой тем, кто первым прольет кровь. Потом патриарха постоянно упрекали, что он не исполнил своих слов. Но патриарх понял, что у каждой стороны была своя правда и своя ложь. Принять чью-то сторону, означало взять на себя и чужую ложь. Патриарх выбрал умолчание.

Проблема, однако, в том, можно ли считать умолчание универсальным правилом этического сознания. Э.Ю. Соловьев пишет даже об историческом, главным образом, религиозном умении молчать. Эрих Юрьевич отмечает, что вся политическая антропология того времени, о которой писал Кант, была замкнута на идею первоначального общественного договора, то есть всеобщего гласного конституирования человеческого общежития. «Как бы ни мыслился этот договор по содержанию, он непременно предполагал публичную правдивость договаривающихся индивидов, их готовность обо всем высказываться откровенно и до конца»⁴⁵. Эрих Юрьевич указывает также, вероятно, к собственному огорчению, что в эпоху Просвещения уважение к этой норме потускнело и стерлось.

Тем не менее открытым остается вопрос: можно ли полагать, будто «безмолвие» людей всегда и во всех исторических ситуациях оказывается нравственным и продуктивным? Не возникает ли в этом случае в живом и продуктивном обмене мнениями своеобразная апология умолчания, также чреватая непредвиденными последствиями? В свое время Э.Ю. Соловьев весьма ярко и убедительно развивал идеи Канта о противоборстве с тираном путем сознательного отказа подданных властителю от участия в его поддержке. Молчаливое устранение от политики массы людей является для деспота не только устрашающим сигналом, но и эффективным и нравственным человеческим поступком. Но годится ли предумышленная деполитизация для хорошо продуманной этической позиции?

Примеры умолчаний, которые приводятся в книге, мне кажутся по меньшей мере слепыми, а скорее всего

опровергающими саму установку. О.В. Артемьева в своей статье «Об оправдании лжи из человеколюбия» приводит пример А. Макинтайра из его работы «Правдивость и ложь: чему мы можем научиться у Канта». Случай рассказан самим Кантом и будто бы свидетельствует о том, что ему удалось, не прибегая к лжи, ввести в заблуждение Фридриха-Вильгельма II. Тот потребовал от философа, чтобы он воздержался от критики христианства в тот момент, когда Кант считал своим долгом публично излагать свои мысли в отношении религии. Кант, пишет О.В. Артемьева, понимал, что непослушание может обернуться для него самыми неблагоприятными последствиями. И тогда он, зная, что дни Фридриха-Вильгельма сочтены, написал ему послание, содержащее следующую фразу: «Как верноподданный Вашего Величества, я в будущем прекращаю все публичные лекции или выступления по вопросу религии, будь то естественная религия или религия откровения».

На мой взгляд, здесь легко можно усмотреть не умолчание, а предумышленную ложь. Кант все рассчитал. Прусские цензоры и король восприняли эти слова Канта как обещание *навсегда* отречься от публичного изложения своих мыслей по поводу религии, в то время как Кант отказался от этого лишь в качестве верноподданного Фридриха-Вильгельма II. И сразу после смерти последнего посчитал себя свободным от данного обещания.

Если это не пример изысканной лжи, то я отказываюсь вообще понимать, что такое вда. Ввести в заблуждение — это ведь все равно что уклониться от истины. Такая вертлявость мысли не рождает у меня энтузиазма. О.В. Артемьева пишет: «Таким образом, Канту удалось, не произнося ложных утверждений, а значит, не прибегая ко лжи и не нарушая обязанность правдивости, ввести прусских цензоров в заблуждение, что полностью его удовлетворяло и не порождало никаких моральных сомнений. Преднамеренный обман другого человека, не предполагающий произнесения ложных утверждений, и ложь как вербальное сообщение заведомо недопустимой информации, по Канту, не тождественны. И если первое допустимо и непредосудительно, с моральной точки зрения, то второе является предметом безусловного запрета, нарушение которого является чудовищным преступлением»⁴⁶.

Этот случай хорошо монтируется с современным анекдотом: «Что вы делаете с правдой?» — задают вопрос и получают ответ: «Я её лгу». Можно ли полагать, что правдивость — это хорошо продуманная ложь, не более чем казуистический обман? Выходит, Кант, если пользоваться пушкинским выражением,

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 43.

страшает нас своим умом. «Клеон, умом ее страшая» (@ Пушкин А.С. «Иной имея мою Аглаю...») Он призывает нас в интересах морали тщательно продумывать свою корыстную ложь. Тогда, очевидно, прав Ф.И. Гиренок. В статье «Почему я не с Кантом?» он пишет: «Правдивость — это ничто иное, как социальная ложь. Не нужно ни при каких обстоятельствах притворяться, нужно быть честным и искренним. Пусть канет в лету искусство казаться тем, что ты не есть. Пора отринуть приличия и не поддаваться очарованию того, что называется словами «так принято». Довольно наслаждаться играми своей души, укрываться шелками субъективности, хватит питаться иллюзиями и фантазмами. Не должно быть никакой пощады никому: ни себе, ни другому. Никаких обманов и уловок, никаких ссылок на хитрость разума и хитрость безумия. Хватить хитрить, ибо хитрость — это обман. Хватит вводить в заблуждение людей, сохраняя при этом выражение невинной правды, ибо она давно уже потеряла свою невинность. Любая видимость — лжива. Приверженность видимости является всего лишь извращенной формой глумления над правдой»⁴⁷.

Другой пример «умолчания» приводит Э.Ю. Соловьев. В подкрепление собственной позиции он ссылается на эпизод из своей жизни. Однако этот пример мне также кажется малоудачным. Эрих Юрьевич рассказывает о телефонном звонке, который раздался в его квартире в ту пору, когда появились и тайно пошли по рукам «Зияющие высоты» А. Зиновьева. Телефонный аноним сказал: «Тебя приветствует М. Мы с тобой учились на философском факультете МГУ, хотя на разных курсах. Сейчас в буфете Дома журналистов в узком кругу, шел разговор об антисоветском зиновьевском опусе. Мне сказали, что у тебя с Зиновьевым отношения приятельские. Дай мне его домашний телефон, я очень хотел бы сказать ему пару ласковых».

Свою реакцию Э.Ю. Соловьев считает примером неучастия, «невывысказывания правды». Он ответил так: «По факультету Вас не помню, в последующие годы ничего о Вас не слышал. Телефонов приятелей я незнакомым людям не даю». Как все это относится к кантовскому правилу «не лги»? Правда, очевидно, понимается здесь в том смысле, что рассуждатель не выразил своего мнения о произведении А. Зиновьева, не стал спорить с анонимом о том, действительно ли книга является антисоветской и заслуживает поношения. Эта истинность оказалась невыраженной. В той же мере не стал Э.Ю. Соловьев также и врать, будто ни в коей мере не является приятелем А. Зиновьева. Он просто сослался на то, что не дает телефоны близких людей незнакомым людям.

Попробуем перетолковать с этих позиций пример, приведенный Кантом. Итак, домохозяин в ответ на требование сказать, не прячется ли здесь жертва, ведет себя уклончиво: «Незнакомым людям на такие вопросы не отвечаю⁴⁸, вас вообще вижу первый раз в жизни...». Во-первых, здесь легко усматривается отношение к злодею как к нелюди. Домохозяин не интересуется личностью преследователя, который, возможно, окажется праведным мстителем. Во-вторых, не выражает своего мнения о допустимости или недопустимости такого преследования с заведомо кровавым финалом. А в-третьих, кантовский пример сразу лишается этической напряженности. Уклониться от разговора в этом случае означает оказаться по ту сторону добра и зла. Такая позиция самодума вряд ли уместна. Кстати, в своей книге «Категорический императив нравственности и права» Э.Ю. Соловьев сам считал, что воздержанность от слов в примере Канта равносильна молчаливому признанию о том, что друг находится в доме.

Само собой понятно, что и в наши дни сохраняет свою ценность чеховское устранение от пошлости. Не вызывает сочувствия желание определенной части интеллигенции «прогнуться под власть», высказаться в пользу властителей, сохранить корректность в общении. Рождаст отвращение телевизионная передача «Пусть говорят...», требующая вовлеченности во имя «чистой правды» в криминальных подробностях и мелодраматических переживаниях.

Неучастие в тиранических действиях — несомненная добродетель. Эрих Юрьевич безоговорочно прав: во многих жизненных ситуациях позиция отстраненности, невключенности в сомнительные сценарии действительно может оказаться самой продуманной и нравственной. Беда в том, что в случаях, когда востребована пронырливость, многие стремятся стать первыми учениками. Но не оборачивается ли такая незаангажированность в наши дни прямым попустительством власти или носителям зла? И я, и Эрих Юрьевич хорошо помним строчки Александра Галича, взятые уже из иной исторической реальности:

*Вот так просто попасть в богачи,
Вот так просто попасть в первачи,
Вот так просто попасть в палачи,
Промолчи, промолчи, промолчи...*

Эти строчки на слуху у нашего поколения и обойти их, на мой взгляд, сложно, когда речь идет о тактике нравственного поведения. Сегодня мы боимся автозаков,

⁴⁷ Назв. изд. С. 315.

⁴⁸ Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М., 2005. С. 79.

полицейских, бандитов, чиновников. Предпочитаем невысказывание правды, когда речь идет о похоти властолюбия, об откровенном насилии над человеческим достоинством, о разграблении страны. «Это европейцы выходят на улицы, — пишет писатель Елизавета Александрова-Зотова, — чуть заденут их права. Это они устраивают забастовки, садятся на площади, пикетируют принявший позорные законы парламент, переизбирают президентов. Мы терпим. И только когда пар срывает крышку страха, доведенные до отчаяния, начинаем погром. А может, он следствие нашей пассивности? Обратная сторона забитости?»

Практика последних десятилетий показала, что такая мотивация при всей своей логичности выгодна именно властолюбцу. Невысказывание правды нередко в истории оказывается тем же самым предательством, что и укрывательство. Безмолвное противодействие власти, как показали события грозных лет, не только не продуктивно, но и безнравственно. Реплика Пушкина «народ безмолвствует» обозначает нередко не только этическое осуждение властителей. Оно предрекает провозвестие беспощадного, хотя и бессмысленного бунта (на бунташный исход указывает и Эрих Юрьевич).

Вспомним сентенцию епископа Сенезского из его надгробного слова Людовику XV «Народ не имеет права говорить, но без сомнения имеет право молчать... и тогда его молчание является уроком для королей». Весь вопрос в том, какой именно урок извлекает властитель из безмолвия масс. В нарциссическом делириуме он нередко трактует молчание как безоговорочное согласие на сохранение послушания. Сегодня в России страх перед историческими катаклизмами и хаосом парализует людей. В итоге власть усматривает в народном терпении лестную для нее мысль о тотальной поддержке проводимого политического курса.

Этика неучастия — мощный фактор этического сознания. Но, понятное дело, она не универсальна. В период массовых репрессий и самооговоров стойкость в молчании, несомненно, можно считать подвижничеством. Но не является ли данный ход размышления обоснованием обыкновенной виктимности? Не стали мы в наши дни жертвами преступных деяний, пользуясь идеологией умолчания и неучастия? Вспомним иронические строчки А. Галича: «В чужих грехах мы сходу сознавались». А ведь надо было под пытками уклоняться от правды и лжи.

Кант и теория личности

Уважаемый проф. Сергей Сергеевич Аванесов упрекает Канта в формализме. «Тем самым любая со-

циальность (у Канта — П.Г.) держится лишь на формальном договоре, а не на личностных отношениях. Такой формализм требует не видеть различий между субъектом насилия и его объектом, что в реальности ведет к превышению прав насильника над правами жертвы, к желанию сохранить доверие со стороны преступников и пренебрежению доверием со стороны жертв, обрекаемых на смерть во имя высшего универсального закона морали»⁴⁹.

Все ли справедливо в этих размышлениях? Социальные отношения по определению безличностны. Разве почтальон доставляет мне письмо домой, потому что мы с ним дружим, и он уважает меня как личность? Неужели судья выносит приговор не по закону, а потому что преступник чем-то приглянулся ему? Верно ли, что начальник поощряет подчиненного не за реальные профессиональные успехи, а за то, что тот добрый малый? Эмиль Дюркгейм, как известно, осмысливая социальные связи, мечтал о том, чтобы они были выстроены по той же логике, по какой почтальон выполняет свои обязанности. Именно такое устройство позволяет отделить жертву от преступника и обеспечить нормальное функционирование общественного организма. Кант вовсе не пытается объединить в едином коллективе палача и страдальца.

Мои студенты-юристы однажды на семинаре заявили: «Нам все равно, защищать закон или беззаконие. Лишь бы хорошо платили...» Я сказал: вы первыми станете жертвами этого начинания. В обществе нет другого социального института, который защищал бы право. Спустя несколько лет в газетах стали появляться сообщения о том, как убили судью, прокурора, эксперта. Поэтому ни о каком формализме у Канта, по моему убеждению, нет речи. Судить преступника надо по закону, а не по совести, которая, как полагают, является атрибутом личности. Сергей Сергеевич считает, что в кантовской социальной модели личность второстепенна в сравнении с универсальным законом. Но это относится не только к Канту. Н.А. Бердяев, который называл свою философию персоналистической, тоже утверждал, что если над личностью нет ничего выше, то это не личность. Речь о нравственном законе внутри нас, который сопряжен со звездным небом над нами.

Философия морали не исчерпывается Кантом. Уже через несколько десятилетий после его смерти сугубая приверженность моральным абсолютам была поставлена под сомнение. Артур Шопенгауэр создал новую традицию в этике, которая нашла своих последователей в лице Фридриха Ницше, Сёрена Кьеркегора, представителей философии жизни и экзистенциализма. Эти

⁴⁹ См.: Наст. изд. С. 262.

мыслители отвергли нормативность морали. Шопенгауэр полагал, что нет и не может быть в этике каких-то заведомых установлений, законов, предписаний. Нравственный опыт каждого человека настолько уникален, самобытен, что его никак невозможно подвести под общую скрижаль.

Жизненные ориентации человека вырастают из мира желаний, страстей. Индивид прежде всего хочет чего-то, реализует собственные вожеления. Человек далеко не всегда соотносит свое поведение с мерками добытого знания. Надежда и страх, любовь и ненависть искажают рожденные интеллектом представления. Однако благодаря воле разум усиливает свою мощь.

Но возможна ли мораль, если лишить ее общезначимых норм? Попробуем представить себе ситуацию, которая была бы столь ненавистна для Шопенгауэра. Разум вырабатывает некие нравственные максимы. И человек неукоснительно следует им в конкретных жизненных эпизодах. Этот индивид знает одной лишь силы страсть: соотносит свой выбор с готовым решением, с уже давно выработанной установкой. Но будут ли поступки такого человека всегда нравственными? Гамлет, например, знает, что убийство — это зло. Но тень его отца вызывает к мщению. Как же поступить? Если бы максимы годились на все случаи жизни, никакой трагедии не было бы и Гамлета не раздирали бы духовные коллизии: быть или не быть, простить или отомстить...

Моральные заповеди хороши, но в жизни постоянно складываются запутанные, сложнейшие ситуации. Они не уместятся в простейшие схемы, где можно выставить готовое решение, заимствованное из свода нравственных установлений. Как, например, отыскать путеводную максиму в странных напряжениях судьбы Эдипа, который по воле судьбы должен был убить своего отца и жениться на своей матери? Что за абстрактные советы можно дать, скажем, Медее, которая задумала убить собственных сыновей?

Философы жизни (А. Бергсон, Г. Зиммель, О. Шпенглер) выступали против диктата разума. «Жизнь» они понимали как некую космическую силу, которая обладает творческим созидательным импульсом. Мораль же трактовали как зыбкий внутренний опыт человека. Что касается интуитивистов (Н. Лосский, Жак Маритен, Э. Жильсон), то они видели в интуиции единственно достоверное средство познания. Мыслители этой ориентации утверждали, что нравственность не нуждается в общезначимых нормах. Понятное дело, это вызвало шквал обвинений. Они, мол, не просто нигилисты, то есть ниспровергатели ценностей, но и безнравственные мыслители.

Но действительно ли этический антинормативизм ведет к абсолютному ценностному хаосу? Верно ли, что, освобождая этика от норм, философы отвергли вместе с тем и нравственность. Опыт последующих поколений показал, что это далеко не так. Напротив, именно полемичное радикальное отвержение готовых предписаний для нравственного человека произвело настоящую революцию в этике, на многие десятилетия определившую ее развитие.

Эта установка вводила человека в мир напряженных нравственных исканий. Никаких посторонних опор у него нет, он не может апеллировать к неким общезначимым констатациям. Стало быть, надлежит мобилизовать весь свой человеческий и нравственный опыт для того, чтобы найти верное решение, совершить достойный поступок.

Но дело не только в том, что человеку необходимо брать на себя ответственность. Устранение нормы как обязательной догмы не могло не поставить вопрос о грандиозной переоценке ценностей. То, что прежде оценивалось как нечто безоговорочное, обязательное, сегодня стало сомнительным, требующим обоснования. Ф. Ницше произвел поистине титаническую работу, выясняя, откуда происходят наши моральные предрассудки, почему на земле многие заблуждения чествуются именно как мораль. Он пытался разобраться, являются ли эти максимы признаком бедственного состояния, истощения, вырождения жизни или, напротив, в них обнаруживается полнота, сила, воля к жизни, ее смелость, уверенность, будущность?

Экзистенциализм, или философия существования, рассматривает живые, трепетные переживания человека, такие, как одиночество, тоска, ощущение своей конечности. Экзистенциалисты рассуждают примерно так. Хороших, мудрых мыслей полно. А что выбрать в страшную минуту? Что говорит сердце? Что разум? Чему довериться? Нравственность хороша только тогда, когда она выстрадана. А что в ней смысла, если она заёмна, чужеродна? Быть нравственным и не знать, что такое страдание — бессмыслица...

В этике Кьеркегора тоже содержится отвержение предназначенных предписаний. Правда, принципы высшего добра и нравственного долга не оспариваются этим мыслителем. Но он придает им статус личностных, индивидуальных исканий: человек должен выстрадать эти ценности как результат собственного неповторимого опыта. Нравственность гибнет как только появляется грех. Раскаяние, то есть уникальное, индивидуальное чувство, есть высшее напряжение нравственного.

Кстати, Ницше, может быть, впервые в истории философии выразил мысль, согласно которой среди людей

есть нелюди, к которым не могут относиться кантовские принципы уважения к каждому человеку.

Экзистенциальная ответственность конкретного человека за избранный им «жизненный сценарий», несомненно, сохраняет свое значение и в наши дни. Однако попробуем обратиться к сухому остатку проведенной дискуссии. Итак, в результате обсуждения мы получили санкцию на ложь, преодолели абстрактность абсолютистских постулатов, вышли на широкий простор анализа конкретных жизненных ситуаций. Поставили вопрос об ответственности человека друг перед другом. Разоблачили будто бы лживый долг перед человечеством. Удостоверились в том, что нравственность — это не застывший свод предписаний и запретов. Напомнили о слезе ребенка, которая не может оправдать счастье и благополучие других людей. Наверное, все это не только размышления, но и программа будущих этических исследований.

Между прочим, слеза ребенка — это все-таки метафора тех самых абсолютистских претензий. Спартанские дети, сброшенные в пропасть, маленькие нищие, которым после романов Диккенса стали подавать милостыню, жертвы нацистов, не нашедших свою голландскую домохозяйку, участь современных юных бродяг и «ненужных» детей, — это феноменальная реальность. А слезинка лишь напоминание о ноумене.

Тропы в сверхчувственный мир

Что подумал бы Кант, если бы ему довелось в наши дни прочитать книгу Иэна Лесли, в которой сказано: «Человек стал человеком не столько путем биологической эволюции, сколько благодаря способности лгать»⁵⁰. Автор сообщает, что в человеческой истории не было ни одного общества, официально одобряющего ложь. Разные религии объявляют ложь грехом и сами при этом распространяют под видом своих догм невероятные небылицы.

Почему люди лгут? Нам отвечают: это просто — закон природы. Жертва притворилась мертвой, притворилась к окружающей окраске, вообще научалась менять цвет в зависимости от ситуации. А откуда взялась правда? Природа позаботилась о познавательной способности человека. Только зачем это природе? А ведь современные психогенетики свидетельствуют: когда человек говорит неправду, мозг посылает сигнал тревоги. Откуда же взялась эта установка на правду? И снова Пушкин:

*Кто меня жестокой властью
Из ничтожества воззвал?
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?*

В современном общественном сознании трансцендентное измерение бытия действительно начинает растворяться, сходиться на нет. Социологи фиксируют: духовность приобрела абсолютно приватный характер. Мало кто спешит соединить себя с конкретной религией. Под натиском научных открытий люди выстраивают собственное мировоззрение, внутри которого Бог замещается Суперкомпьютером.

Ольга Богуславская в «Литературной газете» проводит публичные расчеты с Богом. Она пишет: «В четырехлетнем возрасте ребёнок заболевает раком. Его интенсивно лечат. Но в больнице ребенку в кровь заносит инфекцию, и он впадает в кому... Заключительные кадры: мать и бабушка обнимают памятник и рыдают... Это посильное испытание? Каким образом оно может обратиться во благо? Как болезнь может укреплять духовно, если речь идет о ребёнке?»⁵¹

Нет, необходимости специально подчеркивать, что у Богуславской, как и у Марка Твена, отношения с Богом натянутые. У нее не укладывается в голове, что стихийные бедствия и неизлечимые болезни посылает людям Бог, который их любит. Какой урок получает те, кто пережил землетрясение или цунами? О. Богуславская призывает Бога к ответу. Ей мнится, что эти вопросы впервые озарили ее атеистическую голову.

Забыты многовековая богословская традиция теодицеи, смутное ощущение кармических связей, воздаяние за совместные грехи. Бог обмирщен до такой степени, что напоминает начальника казенного учреждения, неправильно распределяющего премии и наказания. Еще немного и к Богу обратятся в простой житейской интонации:

- Скажи, о Боже, как ты дошел до жизни такой?

В мире, утратившем трансцендентность, вопрос ставится радикально: если ложь часть человеческого естества, то, может быть, нужно просто сбросить маски лицемерия и объявить ее ценным достижением человечества. Но может быть более актуальна иная задача: вырваться из «лепрозория лжи и зла» (@ Марина Цветаева). Тогда не обойтись без фундаментальных основ морали, без ее державных установлений.

Пусть меня объявят старовером (@ Грибоедов

⁵⁰ Лесли Иэн. Прирожденные лжецы. Мы не можем жить без обмана. М., 2012.

⁵¹ Богуславская Ольга. Любовь или Великая Пустота. Способно ли православие объяснить мир // Литературная газета. 2012. № 27.

А.С. «Горе от ума»), но я предпочел бы остаться с Кантом. Разумеется, и с Рубеном Грантовичем в том пункте, где он исключает толику лжи в наших отношениях. Проведенная дискуссия продуктивна, поскольку вызвала множество мнений, споров и открыла простор для ценных этических исследований. Книга оставляет много ярких и незабываемых впечатлений.

P.S.: Специально у тех, кто болезненно относится к юмору, прошу прощения, потому что, перечитав последнюю фразу, я понял, что заимствовал ее из рекламного листка про Виагру.

P.S.: Совсем забыл. Несколько слов моему другу Д.И. Дубровскому. Дорогой дружка, из-за какой это витаминной избыточности вы в своей статье набросились на Ольгу Прокофьевну Зубец? Только что вы доказывали, что понятие феномен лжи, можно лишь мобилизовав онтологический, гносеологический и праксеологический подходы. Но стоило О.П. Зубец подойти к проблеме аксиологически, как вы вдели ей в уши две обидных серьги. В левое ухо — высокомерное игнорирование теории, ведущее к солипсизму. В

правое — неправомерное строительство воздушных замков с архитектурными излишествами. Однако причем здесь, как говорят, в народе мамыны галоши? Ведь вы же отлично знаете, что ценностное царство покоится не на истине, а на святынях, которые соотносятся не с научной теорией, а с нравственной высотой человека⁵². (Разве можно доказать правомерность заповеди: «чти отца своего»? (Про это как раз и говорила во время обсуждения Т.А. Кузьмина). А, кроме того, ценности, как вам хорошо известно, не рядоположены. Они неизбежно выстраиваются в иерархию. И вовсе не карабкается О.П. Зубец в некую башню. Она просто показывает, что духовный человек («аристократ духа») чурается лжи по определению.

Не хорошо как-то получилось. Не галантно. В народе в таких случаях говорят: «За что же Ваньку вы Морозова, ведь он ни в чем не виноват?». О.П. Зубец как «аристократ духа» не стала с вами полемизировать. А я хотел бы по вашей просьбе принести извинения даме, приятной во всех отношениях.

Всегда готовый к вашим поручениям, с плебейским приветом

П.С. Гуревич

Список литературы:

1. Апресян Р.Г. Слова любви: Eros, Philia, Agape // *Философия и культура*. 2012. № 8.
2. Бибихин В.В. Узнай себя. СПб, 1998.
3. Богуславская Ольга. Любовь или Великая Пустота. Способно ли православие объяснить мир // *Литературная газета*. 2012. № 27.
4. Бубер М. Два образа веры. М., 1999.
5. Гальцева Рената. Пушкин и философия. На подступах к теме // Рената Гальцева, Ирина Роднянская. К портретам русских мыслителей. М., 2012.
6. Гуревич П.С. «Позволь смиренно...». Послесловие к 75-летию юбилею выдающегося отечественного философа Э.Ю. Соловьева // *Философия и культура*. 2009. № 9.
7. Гуревич П.С. Антропологические и эстетические идеи Федора Гиренка // *Филология: научные исследования*. 2012. № 1.
8. Гуревич П.С. Очерки об академике А.А. Гусейнове. Очерк второй. Путеводительный маяк // *Философия и культура*. 2010. № 10.
9. Гуревич П.С. Очерки об академике А.А. Гусейнове. Очерк первый. Достиг ли я в раздумьях совершенства? // *Философия и культура*. 2010. № 9.
10. Гуревич П.С. Очерки об академике А.А. Гусейнове. Очерк третий. Животворящие святыни // *Философия и культура*. 2010. № 11.
11. Гуревич П.С. Философский дискурс о человеке. Проект синергийной антропологии в современном мире // *Филология: научные исследования*. 2012. № 2.
12. Гусейнов А.А. Этика доброй воли // Кант Иммануил. Лекции по этике. М., 2000.
13. Лесли Иэн. Прирожденные лжецы. Мы не можем жить без обмана. М., 2012.
14. Ницше Ф. Утренняя заря. Мысли о моральных предрассудках. Свердловск, 1991.
15. О праве лгать / сост., ред. Р.Г. Апресян. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 392 с.

⁵² Гусейнов А.А. Этика доброй воли // Кант Иммануил. Лекции по этике. М., 2000. С. 8.

16. Померанц Григорий, Миркина Зинаида. Великие религии мира. М.-СПб, 2012.
17. Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности права. М., 2005.
18. Федотов Г. Святые Древней Руси. М., 1991.
19. Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. М., 2000.
20. Шекли Р. Чудовища // Шекли Р. Собрание соч. М., 1993.
21. Эллюль Жак. Политическая иллюзия. М., 2003.
22. Юнг Карл Густав. Психологические типы. М., 1997.

References (transliteration):

1. Apresyan R.G. Slova lyubvi: Eros, Philia, Agape // *Filosofiya i kul'tura*. 2012. № 8.
2. Bibikhin V.V. *Uznay sebya*. SPb, 1998.
3. Boguslavskaya Ol'ga. Lyubov' ili Velikaya Pustota. Sposobno li pravoslavie ob'yasnit' mir // *Literaturnaya gazeta*. 2012. № 27.
4. Buber M. *Dva obraza very*. М., 1999.
5. Gal'tseva Renata. Pushkin i filosofiya. Na podstupakh k teme // Renata Gal'tseva, Irina Rodnyanskaya. *K portretam russkikh mysliteley*. М., 2012.
6. Gurevich P.S. «Pozvol' smirenno...». Posleslovie k 75-letnemu yubileyu vydayushchegosya otechestvennogo filosofa E.Yu. Solov'eva // *Filosofiya i kul'tura*. 2009. № 9.
7. Gurevich P.S. Antropologicheskie i esteticheskie idei Fedora Girenka // *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. 2012. № 1.
8. Gurevich P.S. Ocherki ob akademike A.A. Guseynove. Oчерk vtoroy. Putevoditel'nyy mayak // *Filosofiya i kul'tura*. 2010. № 10.
9. Gurevich P.S. Oчерki ob akademike A.A. Guseynove. Oчерk pervyy. Dostig li ya v razdum'yakh sovershenstva? // *Filosofiya i kul'tura*. 2010. № 9.
10. Gurevich P.S. Oчерki ob akademike A.A. Guseynove. Oчерk tretiy. Zhivotvoryashchie svyatyni // *Filosofiya i kul'tura*. 2010. № 11.
11. Gurevich P.S. Filosofskiy diskurs o cheloveke. Proekt sinerghiynoy antropologii v sovremennom mire // *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. 2012. № 2.
12. Guseynov A.A. *Etika dobroy voli // Kant Immanuel. Lektsii po etike*. М., 2000.
13. Lesli Ien. *Prirozhdennye lzhetsty. My ne mozhem zhit' bez obmana*. М., 2012.
14. Nitsche F. *Utrennyaya zarya. Mysli o moral'nykh predrassudkakh*. Sverdlovsk, 1991.
15. *O prave l'gat' / sost., red. R.G. Apresyan*. М.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2011. 392 s.
16. Pomerants Grigoriy, Mirkina Zinaida. *Velikie religii mira*. М.-SPb, 2012.
17. Solov'ev E.Yu. *Kategoricheskiy imperativ нравственности права*. М., 2005.
18. Fedotov G. *Svyatye Drevney Rusi*. М., 1991.
19. Fromm E. *Velichie i ogranichennost' teorii Freyda*. М., 2000.
20. Shekli R. *Chudovishcha // Shekli R. Sbranie soch*. М., 1993.
21. Ellyul' Zhak. *Politicheskaya illyuziya*. М., 2003.
22. Yung Karl Gustav. *Psikhologicheskie tipy*. М., 1997.